

INSPIRIA

ГРЕГГ ДАННЕТТ ЧТО СКРЫВАЮТ МУТНЫЕ ВОДЫ

INSPIRIA

Грегг Даннетт

Что скрывают мутные воды

Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Британия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69808249

Что скрывают мутные воды: 1;

ISBN 978-5-04-193125-4

Аннотация

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР БРИТАНИИ.
СУПЕРХИТ AMAZON KINDLE.

Как вычислить убийцу, если ты еще ребенок?

Меня зовут Билли. Я живу в доме на утесе. А утес на острове. Мне одиннадцать. Но я совсем не похож на сверстников. Ведь я – настоящий ученый. Да-да. Морской биолог. А недавно мне пришлось стать еще и детективом...

Все потому, что пропала та девочка, Оливия. И полиция ничего не смогла сделать. Не нашла ни одной зацепки. А я нашел. Я же был там в ту ночь. И видел кое-что важное. И еще: никто лучше меня не знает здешние пески и скалы, заводы и пещеры...

Вряд ли вы читали что-то подобное. У расследования, которое ведет Билли, особый стиль. Но вскоре мальчик оказывается в самом центре паутины из лжи и семейных тайн. Его детская игра в детектива превращается в гонку на выживание. Он становится

мишенью убийцы, которого хорошо знает. И теперь должен раскрыть это дело для того, чтобы спасти свою жизнь...

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	44
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Грегг Даннетт

Что скрывают мутные воды

Gregg Dunnett

THE THINGS YOU FIND IN ROCKPOOLS

Copyright © 2018 by Gregg Dunnett. All Rights Reserved

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

От автора

Действие книги происходит на вымышленном острове Лорни у Восточного побережья США. Хотя в действительности его не существует, я привожу здесь приблизительную карту.

Остров Лорни

Глава 1

Я вижу труп из окна моей спальни. Он лежит на пляже, выброшенный ночным приливом. Ничто больше не нарушает бледной, ровной глади песка, и даже с такого расстояния невозможно ошибиться насчет того, что это такое. Забавно – живя здесь, я всегда знал, что однажды найду что-нибудь в этом роде. По телику часто показывают трупы, которые вынесло из воды. Теперь я тоже такой нашел.

Хватаю бинокль. Он большой, с десятикратным увеличением, и держать его тяжело. С силой прижимаю его к оконному стеклу, но все равно вижу лишь дергающиеся фрагменты кожи, призрачно-белое пятно живота и ярко-красную рану у нее на спине. Именно у нее. У мертвой особи женского пола, лежащей в луже крови и морской воды посреди пляжа. Моего пляжа.

Внезапно замечаю облачка пара, вырывающиеся при дыхании изо рта. В комнате холодно. Может, мне все это померещилось? Может, я сплю и вижу сон? Но в остальном комната вполне реальна. Шкаф открыт, внутри висит моя школьная форма. Плакаты тоже на месте: таблица Менделеева и «Морские рыбы» с латинскими названиями. Приглядываюсь повнимательней – будь это сон, названий я не различил бы, потому что плохо их помню. Вот, например, полосатый лаврак – *Morone saxatilis*. Нет, я не сплю.

Еще раз гляжу в бинокль. Теперь замечаю чаек. Одни топчутся вокруг трупа, другие стоят прямо на нем, словно на скале, выросшей из песка в предыдущую ночь. Я понимаю, что они не просто стоят, а наклоняются и клюют. Вырывают куски плоти. Одна вонзает клюв прямо в глаз. Откладываю бинокль и размышляю.

Надо сказать отцу. Да, именно так я должен поступить. Но все-таки я сомневаюсь. Отец в последнее время ведет себя странно. Сердится на пустом месте. А после таких новостей сюда сразу слетятся полицейские и журналисты, которых отец люто ненавидит. Если я ему скажу, он может заявить, что не хочет ни с чем таким иметь дела. Может даже остаться дома на все утро, и тогда у меня не будет шансов осмотреть находку. А как часто выпадают подобные шансы? Для мальчишки вроде меня это потрясающая возможность. Я хочу сказать, это, конечно, очень грустно, но впадать в сентиментальность не стоит. Потрясающая возможность – в первую очередь.

Поэтому, хоть мне и совестно, я уже знаю, что ничего отцу не скажу.

Если что, меня зовут Билли. Мне одиннадцать лет, но я не похож на других одиннадцатилеток. По крайней мере тех, с кем учусь в школе. Уверен, вы согласились бы со мной, будь вы с ними знакомы.

К счастью, сегодня суббота, так что в школу мне не надо. Выходные мы всегда проводим одинаково. Первым де-

лом отец едет заниматься серфингом. Рано утром, потому что потом на пляже собираются люди, а ему это не нравится. Я езжу вместе с ним, но на доску не встаю. Это означает зайти в воду, а я не захожу в воду. Но и сидеть в пикапе, дожидаясь его, не собираюсь. Мне было бы скучно. У меня обычно есть какие-нибудь проекты. Вроде домика на дереве. Я построил его в прошлом году из всякой всячины с отцовской работы. В лесу за дюнами. Вам его никогда не найти, потому что стены я раскрасил камуфляжным рисунком. Времени на это ушла уйма. Оказалось, что камуфляжная краска нигде не продается, что и понятно, если подумать, – нельзя же смешать разные цвета в одной банке. Так или иначе, это был мой прошлогодний проект. Сейчас у меня другие. Куда интереснее.

Но сегодня я точно не думаю о них. Ведь на пляж вынесло труп. Решаю разбудить отца и как можно скорей отправиться из дома. Так я окажусь возле трупа первым. Я должен стать тем человеком, кто официально обнаружит его.

Обычно отец встает после меня. Спускается вниз и делает себе кофе. Если ветер не слишком сильный и нет дождя, пьет его на улице. Стоит в нашем маленьком дворике на вершине утеса и глядит вниз на пляж, решая, куда поехать на серфинг. Если океан бурный, мы остаемся на своем конце пляжа, под утесом, потому что там волны поменьше и не такие мощные. Если же океан спокойный, едем в Силверли, городок в центре бухты. Он больше открыт прибою. Естествен-

но, если волн вообще нет или дует ураганный ветер, мы не едем. Но это очень плохо, ведь тогда отец весь день бывает не в настроении.

Мы живем с ним вдвоем. У меня нет ни братьев, ни сестер. И мамы тоже больше нет. Отец не разрешает мне заводить питомцев – после того, что случилось с птенцами чайки. Так что в доме только мы, отец и я. В этом коттедже на утесе мы живем сколько я себя помню.

Но этим утром я сам завариваю кофе. И стараюсь делать это как можно шумнее, чтобы разбудить отца. Стучу дверцами шкафчиков, с грохотом выдвигаю ящик, доставая оттуда ложку. Надо, чтобы отец поторопился, если я хочу первым обнаружить тело, знаете ли.

Кофеварка у нас из двух половинок, навинчивающихся друг на друга, с кофе посередине. Я не знаю точно, сколько кофе насыпать, но отец любит покрепче, поэтому я сыплю до самого верха. Очень скоро кофеварка начинает шипеть, и кухня наполняется густым кофейным ароматом. Я наливаю кружку отцу и снова громко хлопаю шкафчиком. Теперь слышу, как отец проходит в ванную, как струйка мочи ударяет в унитаз. Наконец она затихает, и я бегу наверх.

– Кофе, пап.

Еще раз выглядываю в окно. Труп лежит на том же месте, никто его пока не нашел. Но тут возникает новая проблема. Волны. Сегодня утром они совсем маленькие. Это значит, что отец захочет ехать в Силверли, где волны побольше.

Обычно это меня не беспокоит, потому что своими проектами я могу заниматься по всему побережью. Но труп ведь здесь, *нанашем* конце пляжа. Если мы уедем в Силверли, мне придется бежать по пляжу назад, а за это время кто-нибудь запросто может его найти. Я этого не хочу. Обнаружить труп должен я.

* * *

Поэтому, когда отец выходит ко мне во дворик с кружкой в руках, я уже обдумываю, что делать. Бросаю на него короткий взгляд. Вчера он вернулся поздно и, похоже, был пьян, потому что выглядит неважно.

– Чего ты так расшумелся с самого утра, Билли? – Отец потирает глаза. – Я уж думал, тебя убивают... – Он смеется и делает глоток. – Господи Иисусе! Прямо ракетное топливо.

Я хмурюсь, потому что не знаю, хорошо это или плохо.

Отец ставит кружку на парапет. Зевает и потягивается, подняв руки над головой. На нем футболка и джинсы, в заре между ними виден мускулистый живот. За лето он здорово загорел. Отец босиком, хотя трава мокрая от росы. Холод несколько его не смущает.

Минуту мы стоим в молчании, созерцая открывающийся вид. Прямо за парапетом начинается старая тропка вниз. Ее давно закрыли, поскольку сочли опасной, но я все равно могу спуститься по ней. За тропкой начинается широкая поло-

са пляжа, тянущегося на семь миль – мимо Силверли до самого Нортэнда. Справа виден лес. Слева – океан, насколько хватает глаз. Вид с нашего двора потрясающий.

– Здорово, да? – говорит отец, снова берясь за кружку.

Это значит, что волны хорошие. Отсюда виден практически весь остров, но отец смотрит только на волны. Вот почему я думаю, что мой план должен сработать. Выжидаю несколько минут, давая ему осмотреться. Оценить волну.

Волны обычно идут неравномерно. Они набегают группами – их называют «сети». Поэтому в одно мгновение может показаться, что волны очень большие, а пару минут спустя они становятся гораздо меньше. Сейчас, пока отец смотрит, волны немаленькие. Мне сильно повезло, потому что волн такой величины я не видел все утро. Идеально для моего плана.

– Здоровенные, – говорю я с напускным спокойствием. – Сейчас еще ослабели, а до того, как ты спустился, были вообще огромные. Думаю, Литтли.

Если б отец сегодня смотрел на океан столько, сколько я, моя ложь стала бы очевидна. Серфить можно разве что на Силверли, в открытой бухте. Но труп лежит на Литтли, так что мне до зарезу необходимо затащить отца туда. А чтобы это сделать, надо убедить его, что волны больше, чем кажутся сверху.

Отец отвечает не сразу. Мы стоим с ним рядом, любуясь океаном. Труп виден только если присмотреться, но отец не

обращает внимания на пляж. Глазами он обводит горизонт, наблюдает за приближающимися валами, которые у берега разбиваются в волны. Ждет, потягивая свой кофе. Терпения у него в избытке. Минуты бегут, волны утихают, и океан становится практически гладким. Я изображаю удивление.

– Маловаты для меня, – заключает отец с подозрительной ноткой в голосе. – Ты как себя чувствуешь, Билли?

Он поворачивается ко мне, и на мгновение я пугаюсь, что он опять впадет в свое «странное» настроение. Но нет, отец улыбается.

– Ну что, едем в город? Потом позавтракаем там же.

Городом мы называем Силверли. Значит, мы проедем две мили к северу, мимо трупа, и потом мне придется бежать назад в Литтли, чтобы добраться до него. Естественно, я разочарован. Но завтрак станет мне отличным утешением, потому что есть мы будем в особенном месте. К тому же отец все равно не передумает, так что лучше смириться.

Отец допивает свой кофе и подмигивает мне.

– Стартуем через пять минут, – говорит он и заходит в дом, чтобы одеться.

Я следую за ним и на кухне торопливо выключаю компьютер. Хватаю бинокль, новый блокнот и свой фотоаппарат, заталкиваю все в рюкзак. Отец проходит мимо, когда я обуваю кеды, и велит мне поторопиться. Выхожу на улицу; он закидывает гидрокостюм в открытый кузов пикапа. Костюм с влажным чавканьем приземляется на рифленое металличе-

ское дно. Отцовский серф уже там; он в кузове практически все время. Меня одолевают сомнения. Когда отец в хорошем настроении, он позволяет мне ездить в кузове, хотя по правилам это запрещено. Я все-таки решаюсь и забираюсь назад, стараясь не встречаться с ним глазами. Отец ничего не говорит, просто открывает кабину. Но, прежде чем сесть за руль, все-таки бросает мне:

– Увидишь полицейского, пригнись, о'кей?

Дальше он захлопывает дверцу, заводит мотор, и пикап срывается с места. В воздухе повисает запах бензина. Мы несемся, подсакивая на ухабах, по своему проселку к главной дороге, вниз с холма. Отец ведет машину уверенно, периодически срезая углы.

Пляжа с дороги почти не видно – разве что в редкие прогалы между деревьев. За рекой дорога уходит вниз, и вид загораживают дюны. Ехать всего три минуты, других машин нам не попадается. Я решаю, что это хороший знак.

Мы въезжаем в город и резко тормозим на парковке возле пляжа. Вот оно, кафе «Санрайз», где мы будем завтракать, но его еще не открыли.

Тем не менее наша машина не первая. На парковке есть и другие; я узнаю пикапы отцовских приятелей-серферов. Наверное, еще и собачники приехали выгуливать своих псов. Надеюсь, они пошли на север, к Нортэнду, а не на юг, к Литтли, где лежит труп. Отсюда его не видно, поэтому я полон энтузиазма, но точно знать нельзя, пока не окажешься на ме-

сте.

– К десяти будь здесь, – говорит отец. Давным-давно он пытался и меня поставить на серф. Больше не пытается. Понимает, почему я теперь не захожу в воду.

– Договорились, – отвечаю я. – Увидимся.

Когда я ухожу, отец сидит на краю кузова и натягивает гидрокостюм. Поблизости никого нет, и он не дает себе труда прикрыться полотенцем.

Быстро иду по узенькой тропинке к пляжу. Поначалу это легко, потому что тропинка выложена деревянными планками, но потом планки заканчиваются, и мои ноги погружаются в мягкий песок. Наконец добираюсь до камней. Они тянутся один за другим – большие плоские камни размером с обеденную тарелку. Останавливаюсь и вытаскиваю из рюкзака бинокль. Еще не наведя резкость, понимаю – что-то не так.

На пляже полно людей. Прямо там, возле трупа. С такого расстояния я не могу разглядеть, кто они и что делают, но определенно они стоят вокруг него.

Меня охватывает острое разочарование. Собачники! Почему они не могли пойти в другую сторону? Я увидел труп первым больше часа назад и хотел первым до него добраться. Теперь даже не знаю, дадут ли мне взглянуть. Наверняка вот-вот появится береговая охрана. Или полиция. Их в городе в последнее время полным-полно.

Стою так несколько секунд, борясь с разочарованием.

Мое отчаяние длится недолго. В любом случае перемещать труп те, кто его нашел, не могут – для этого существуют специальные люди. Наверное, они попытаются огородить его, устроить кордон, но пока путь свободен. Если потороплюсь, то еще смогу осмотреть труп. Надо поспешить.

Снова кидаюсь вперед, шагая по краю прибоя. Идти там удобнее всего, потому что песок всегда плотный и ровный. Плюс можно найти разные вещи, выброшенные приливом, что является дополнительным бонусом. Но сегодня я под ноги не смотрю. Мой взгляд направлен вперед, я стараюсь различить детали происходящего. Примерно на полпути меня обгоняет полицейская машина, медленно движущаяся по пляжу к месту, где лежит труп. Я выпускаю тяжкий вздох.

Знаю, что вы подумали, – ненормально для одиннадцатилетки разглядывать мертвое тело, выброшенное из океана. Но, как уже говорил, я не похож на других. То есть остальные в школе постарались бы сделать с ним селфи или что-нибудь в этом роде. Но я ничего такого не хочу. Я иду, чтобы его осмотреть. Как настоящий ученый.

Если вы знаете про Силверли – например, приезжали сюда на каникулы, – то удивились бы, с чего так быстро прикатила полицейская машина, тем более в такую рань. Но все дело в нынешней ситуации. Этой осенью они повсюду. Из-за той девчонки. Про которую говорили в новостях. И не подумайте, что речь про местные новости – *в настоящих* новостях, где рассказывают про президента, землетрясения и все

такое. Весь остров так и гудит. Как могла девочка-подросток взять и пропасть *отсюда*? Это же невозможно!

Я виделся с ней – девочкой, которая пропала. Оливией Каррен. Могу прямо сейчас вам рассказать, потому что добраться мне еще довольно долго. Она остановилась в одном из тех коттеджей, которыми управляет отец. Приехала на каникулы с семьей: мамой, отцом и братом. Они остановились в коттеджах «Сифилд». Дорогих – прямо на пляже, чтобы из окон был виден океан. Возле той самой парковки, где мы только что оставили машину.

Я не должен был встречаться с ней. Просто, когда они приехали, был в соседнем коттедже. Чинил вай-фай: предыдущие гости пожаловались, что он постоянно слетает. Это еще одно, чем я занимаюсь: настраиваю вай-фай в коттеджах, которыми управляет отец. Мистер Мэтьюз, его босс, знает, что я разбираюсь в компьютерах, вот и позволяет мне.

В общем, когда они приехали, я чинил роутер. У них был внедорожник или паркетник – что-то в этом роде – с велосипедами на специальном креплении и дополнительным багажником на крыше. Естественно, я с ними не разговаривал. Заселение в коттеджи «Сифилд» самостоятельное, и гости, когда приезжают, берут ключ из металлического ящичка, привинченного к стене. Поэтому я, как обычно, их проигнорировал. Но дальше решил зайти в кладовую, взять кое-что перекусить. Кладовая – это маленький каменный сарай на заднем дворе коттеджей; мы храним там чистое постель-

ное белье и полотенца. А еще индивидуальные упаковки печенья в качестве приветственных подарков. Так вот: я, держа перед собой ноутбук, вошел в кладовую за печеньем. И она, похоже, меня увидела. Потому что, когда я выходил, по-прежнему с открытым ноутбуком, девочка подошла ко мне.

– Извините, – сказала она неуверенно. – Вы остановились здесь, в соседнем коттедже? Просто мы только приехали, и у нас не работает вай-фай.

Ничего не отвечаю. У меня печенье во рту.

– Я увидела у вас компьютер. Вот и спросила; может, вы разобрались?

У нее светлые волосы, собранные на макушке в хвост, но несколько прядок выбились, и девочка нетерпеливо отбрасывает их назад.

– Ладно, не беспокойтесь. Простите, что спросила, – говорит она и отворачивается. Я выдергиваю изо рта печенье.

– Я живу здесь. В смысле, постоянно. И занимаюсь вай-фаем во всех коттеджах, принадлежащих мистеру Мэтьюзу.

Она разворачивается обратно и слегка недоверчиво смотрит на меня.

– О! Понятно... Ну да, довольно удобно. Только... он правдасовсем не работает.

Она отступает на шаг и улыбается. Улыбка у нее славная.

– Работает. Я только что починил, – говорю я ей.

– О... Просто... Хм, я только что попробовала, и ничего.

– Пароль ввели? – спрашиваю я. Туристы бывают такие

глупые, что приходится вкладывать инструкции для них в Приветственную папку – даже по пользованию электроплитой. – Он в Приветственной папке на...

– Да-да. Я нашла. Подключается нормально, а потом сразу слетает.

Я сержусь, потому что та же проблема возникала и раньше. Я думал, что все починил.

– Настройки вы не меняли? – с надеждой спрашиваю я.

–*Нет*. Конечно нет. – Она странно вато на меня смотрит. – Мы же только приехали.

Хмурю лоб. Не пойдя я за печеньем, она бы меня не застала. Думаю заскочить в коттедж 2 и установить связь оттуда, но тогда девочка, наверное, захочет зайти со мной. К тому же будет гораздо быстрее, если я подключусь к роутеру по кабелю.

– Мне придется пойти к вам. Подключиться к роутеру. Ничего?

В глубине души я надеюсь, что она скажет «нет», но ничего подобного: девочка – тогда я не знал, что ее зовут Оливией – взмахивает рукой в слегка театральном жесте.

– Добро пожаловать!

Нет, улыбка у нее и правда классная!

* * *

Роутер в коттедже 1 стоит на кухонной столешнице. Я от

дверей вижу, что лампочки на нем горят оранжевым, а должны быть зелеными. Коттедж с открытой планировкой, как все остальные в «Сифилд», и отец девочки тоже тут. Он загружает продукты в холодильник.

– Привет! – говорит он, завидев меня, но я не успеваю ответить, потому что это делает девочка:

– Все в порядке, он просто зашел починить вай-фай.

Ставлю ноутбук на стол и достаю из рюкзака сетевой кабель.

Отец продолжает выкладывать продукты, но я вижу, что он хочет что-то сказать. Наконец открывает рот и произносит:

– Ты вроде маловат, чтобы заниматься компьютерами. – Таким голосом, которым взрослые обращаются к малышам. Я отворачиваю голову и не отвечаю.

– Знаешь, если не получится, ничего страшного, – продолжает он. – Мы по-любому все время будем на пляже, да, Ливви?

– Нет уж! Очень даже страшно, – отрезает девочка. – Тебе, может, и все равно, но в рекламе было сказано, что в коттеджах есть вай-фай. Что, если б ты приехал, а тут не оказалось ванной, а в рекламном проспекте она была? Тебе бы не понравилось, правда?

– Все в порядке, – вставляю я. Не хочу слушать, как они ругаются. – Иногда такое бывает, но если перезагрузить его с аккаунта админа, проблема решается.

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал уверенно, хотя на самом деле не знаю, почему сеть продолжает слетать.

– Что же, буду рад, если ты окажешься прав. А Оливия так вообще будет бесконечно признательна.

Мужчина делает паузу, и во мне на мгновение вспыхивает надежда, что он сейчас развернется и уйдет, но отец Оливии продолжает загружать холодильник.

– Ты, значит, *главный сисадмин Силверли*? – Он произносит это будто название какой-то официальной должности. – Ты слышишь, Уилл?

Он заговаривает громче, пытаясь привлечь внимание мальчишки лет четырнадцати, который на другом конце гостиной тычет кнопки на пульте телевизора. Отец поворачивается обратно ко мне.

– Сегодня утром мы едва вытащили Уильяма из постели. Что уж говорить о какой-нибудь ответственной работе!

Отец смеется, но я, пользуясь возможностью, опять игнорирую его.

Захожу в сеть через аккаунт администратора и вижу, что был прав – сбилась одна из настроек. Поправить ее не составляет труда, но я не понимаю, почему ошибка повторяется. Устраняю ее и делаю мысленную заметку позднее погуглить проблему. Потом перезагружаю роутер. Собираюсь тут же уйти, но понимаю, что надо подождать – убедиться, что сеть работает.

– И что тут есть интересного для молодежи? – спрашивает

меня отец все тем же «дружеским» голосом.

Мне не нравится, когда туристы задают мне подобные вопросы. Я уже говорил, что немного отличаюсь от других, и потому плохо знаю, что их может интересовать. В прошлый раз, когда меня спросили, я начал рассказывать про свой проект: подсчет яиц в гнездах морских чаек на скалах. На меня поглядели как на сумасшедшего. Я пытался объяснить, что это самые крупные чайки в мире, что размах крыльев у них как у орла, но по лицам туристов видел, что они просто считают меня чудиком. Так что я не собирался рассказывать мистеру Каррену о своем проекте с крабами. Однако тут меня посетило вдохновение. Я вспомнил про афиши, которые видел в городе.

– В субботу будет диско-вечеринка в Спасательском серфинг-клубе, – сказал я. – В честь окончания сезона.

– О! *Диско-вечеринка* в Спасательском клубе, – повторил он за мной. Судя по его тону, чего-то подобного он и ожидал от нашего городка. – Видишь, Ливви, я же говорил, что тебе будет чем заняться!

Девочка закатила глаза, но все-таки развернулась ко мне.

– А билеты нужны? – спросила она неожиданно заинтересованным голосом.

– Не знаю. – Я знал, что *мне* билет не требуется, я же местный. Но насчет туристов понятия не имел. Отвечать, однако, не пришлось, потому что на роутере зажегся зеленый огонек.

– Можешь заходить, – сказал я девочке. Та уже держала

телефон в руке; собственно, она его и не выпускала, словно не могла дождаться, когда заработает сеть. Теперь же начала торопливо печатать на экране.

– Ага, работает, – сказала она, не отрывая от телефона глаз. Еще с минуту печатала большими пальцами, потом внезапно подняла голову. – Вот, проверила. Силверли, Спасательский серфинг-клуб, диско-вечеринка в честь окончания сезона. Билеты можно купить заранее или при входе. – Она еще раз поглядела на меня – теперь улыбаясь во весь рот. – Здорово, спасибо.

Она была *очень* симпатичная, когда улыбалась.

Я все это рассказал полиции, кроме того, что она была симпатичной, – тут я промолчал. Тем не менее переживал, что могу попасть в неприятности. В конце концов, если б она не пошла на дискотеку тем вечером, то не пропала бы *с дискотеки*. Однако детектив, которая записывала мои показания, не придала этому значения. Она сказала, что Оливия так или иначе узнала бы про вечеринку – афиши же были повсюду. Правда, детективом она оказалась неважнецким. Потому что не заметила, когда я ей солгал.

Тем не менее, думаю, я объяснил, почему вроде как оказался втянут в дело Оливии Каррен. С самого начала.

* * *

Я уже подхожу к группе на пляже. За то время, что я доби-

рался, она заметно разрослась. Теперь, кроме полицейской машины, там стоит еще пикап береговой охраны – они расположились по обеим сторонам от трупа. С такого расстояния раны выглядят страшно – они рассекают кожу до самого жира. Делаю еще шаг, чтобы рассмотреть получше. Хочу понять, отчего она погибла.

– Эй, Билли! – окликает меня голос, и крепкая фигура преграждает мне путь.

Глава 2

– Привет, Дэн, – говорю я без всякого энтузиазма, потому что не люблю Дэниела Ходжа. Он работает спасателем. И хорошо знает отца – они занимаются серфингом вместе. Отец, между прочим, похоже, тоже его не любит. Причина, на мой взгляд, в том, что Дэн чувствует себя хозяином этого пляжа. Вот как сейчас, когда пытается не подпустить меня к трупку.

– Не стоит тебе смотреть, Билли. Зрелище жуткое.

– Она мертвая? – спрашиваю я и сразу раздражаюсь на себя самого. Очевидно, что она мертва, но иногда у меня изо рта вылетают слова, которые я вообще не собирался говорить.

– Определенно мертвая, Билли, – отвечает Дэн с ухмылкой.

Пытаюсь заглянуть ему через плечо; мы стоим достаточно близко, чтобы я мог слышать разговоры. Какой-то незнакомый мужчина обращается к полицейскому:

– Знаете, какой это вид? – Судя по голосу, это турист. Зимой их тут немного, но кое-кто все-таки приезжает.

– Мы пока не уверены. Ждем эксперта, он едет с побережья, – говорит полицейский. Он в форме. В обычной жизни полицейская форма выглядит странно. Такая непрacticalная...

– Надеюсь, эксперт нам скажет.

Вмешиваюсь в разговор, радуясь возможности отделаться от Дэна.

– Это малый полосатик! – восклицаю я.

Полицейский снова повторяет что-то насчет эксперта, который должен вскоре прибыть, но турист разворачивается ко мне:

– Откуда ты знаешь?

– Видно по расстоянию между спинным плавником и дыхательным отверстием. Еще по форме спинного плавника. Самка малого полосатика. Молодая совсем.

– Ну, возможно, – вставляет полицейский. – Как я уже говорил, надо подождать.

– Полосатики в основном живут в Северном полушарии. Карликовые заплывают в южную часть океана, до самой Антарктики. Но эта – не карликовая. У тех другие отметины, так что это малый полосатик, – продолжаю я. Я был уверен в этом с первого момента, как увидел тело, а теперь, посмотрев поближе, убедился окончательно.

Дэн отходит в сторону, пропуская меня к мертвому киту. Сразу за головой у него – зияющая рана. Возле кожи она темно-красная, глубже цвет становится алым. Кит лежит во впадине, заполненной кровью и морской водой. Он совсем небольшой – не длинней пикапа береговой охраны.

– Что, по-твоему, случилось? – спрашивает турист. – Может, акула?

Мысль об акуле его явно возбуждает. Он говорит с конти-

нентальным акцентом – по акценту я и решил, что он турист. К тому же туристы всегда рассуждают об акулах.

Разглядываю рану поближе.

– Нет. Акул такого размера, чтобы напасть на кита, даже детеныша, тут не водится. Да и непохоже на след зубов. Скорее это рана от винта. Наверное, отбилась от матери и вынырнула возле какого-то судна.

– Ты, похоже, много знаешь про китов, – говорит мне мужчина.

– Я много знаю про всех животных острова Лорни, – отвечаю ему. – Когда вырасту, буду морским биологом. Уже провожу эксперименты.

Теперь я чувствую себя увереннее и решаюсь обратиться к полицейскому:

– Во сколько должен приехать эксперт?

Надеюсь, что смогу задержаться немного и встретиться с ним или с ней. Возможно, эксперт заинтересуется моими исследованиями крабов-отшельников. Если он не специалист исключительно по китам. Иногда встречаются такие ученые, которые занимаются только одним видом животных. Или только одним родом. Есть и те, у кого специализация шире. Так что они могут заинтересоваться или нет. Как повезет.

– Он плывет сюда на пароме. Должен прибыть около полудня, – говорит полицейский.

Смотрю на часы. Я обещал отцу вернуться на парковку к десяти. Немного подождать я мог бы, но до полудня – нет.

Глава 3

Остаюсь сколько могу, и полицейский позволяет мне сфотографировать кита, но потом мне надо уходить. Бегу назад; рюкзак стучит меня по спине. Пытаюсь разглядеть отца среди волн. Он рассердится, если я опоздаю. Но, думаю, все в порядке. Волны отличные, так что он, скорее всего, и сам задержится.

Как выясняется, я прибегаю к пикапу сразу после него. Он уже открыл двери, музыка из кабины разносится на всю парковку. Отец сушит волосы полотенцем, гидрокостюм на нем спущен до пояса. Он улыбается и насвистывает – похоже, серфинг поправил ему настроение.

– На пляж выбросило мертвого кита, – сообщаю я ему. – Возле Литтли. Это малый полосатик.

– Привет, Билли, как у тебя дела? – говорит отец. В его голосе слышится сарказм – он напоминает, что я забыл его поприветствовать. – Хорошо провел время?

– Привет, пап, – отвечаю я, начиная заново. – Очень хорошо, спасибо. На пляже лежит мертвый кит.

– Ясно. – Улыбка пропадает у него с лица. – А я-то думал: что случилось? Видел полицейские машины.

Больше он ничего не говорит, но заметно мрачнеет. Полицейские ему не нравятся. Никогда не нравились.

– Это самка. Еще маленькая, – продолжаю я.

– Завтракать будешь? – спрашивает отец, игнорируя мои слова. Дикая природа не очень его интересует. Он ходит на работу и занимается серфингом – больше ничего. Но я не обижаюсь. Если б он не предложил, я сам напомнил бы ему про кафе. Я почти всегда голоден, а даже если нет, все равно не отказался бы зайти в «Санрайз».

Кафе уже открыто. Оно находится на втором этаже Спасательского серфинг-клуба, и сверху открывается отличный вид на океан. Отец заканчивает переодеваться, мы поднимаемся по деревянным ступенькам и садимся у окна, где и всегда. На стенах висят фотографии серферов, сделанные в те дни, когда волны были по-настоящему большими. На паре из них отец, хотя понять этого нельзя – на фоне волн фигурки совсем крошечные. Фотографии продаются, поэтому какой-то турист может купить снимок отца и повесить дома на стену, словно он какая-то знаменитость. Не то чтобы отцу это не нравилось, в целом ему все равно. Но сегодня я на них не смотрю. Вытаскиваю из рюкзака камеру, чтобы показать отцу фотографии туши.

– Эй, парни, что будете заказывать?

Я замираю, услышав голос Эмили. Она идет к нам со своим блокнотом и карандашом. Улыбается мне, и я чувствую запах ее духов. Эмили пахнет нагретыми солнцем цветами. Она работает в кафе «Санрайз», но на самом деле не просто официантка. Она здесь только для того, чтобы немного подзаработать, пока пишет диплом. Изучает морскую биологию.

Эмили – настоящий ученый. Она мне нравится. Очень.

– Мне большой завтрак, – говорит отец, потирая живот. – И кофе.

– Хорошо покатались сегодня, мистер Уитли? – Она улыбается ему, но недолго; это просто знак вежливости. Потом поворачивается ко мне: – Билли! Тебе как обычно? – Это означает булочку с двумя сосисками и много-много кетчупа.

– Да, пожалуйста, Эмили.

– *Икофе?* – спрашивает она. Не подмигивает, но бросает в мою сторону наш «тайный» взгляд. Однажды я попросил себе кофе – ну, чтобы произвести на нее впечатление, – но он мне совсем не понравился. Эмили поняла это и принесла мне вместо кофе горячий шоколад. Теперь она всегда задает этот вопрос.

– Да. Ты видела кита? Это детеныш малого полосатика.

– Только слышала, – отвечает она. – Посмотреть времени не было.

– Я сделал несколько снимков. Эксперт по китам уже едет с побережья. Будет здесь около полудня. Может, папа попозже нас подвезет? Когда ты закончишь смену...

Просительно смотрю на отца. Просьба довольно смелая, но почему не попытаться – после серфинга он настроен благодушно.

– Прости, Билли, у меня куча работы. Надо красить оконные рамы.

Иногда я совсем не понимаю этих взрослых. С чего такая

спешка? Сейчас почти зима. До следующего сезона бронирований не будет. Уж точно необязательно красить рамы, когда в городок приезжает эксперт по китам!

Эмили замечает мое разочарование и пытается сгладить ситуацию.

– У меня еще есть кое-какие дела. – Она бросает на отца короткий взгляд, словно пытаясь что-то ему сказать. – Но Дэн будет тут, мистер Уитли. В смысле, на случай, если вы захотите, чтобы кто-то присмотрел за Билли.

Лицо у нее дружелюбное и открытое. Оптимистическое. Вы же помните Дэна Ходжа, спасателя? Так вот, я кое-чего про него не рассказал. Он вроде как встречается с Эмили. Боюсь, именно поэтому я его и недолюбиваю. В любом случае это несерьезно. Она с ним только потому, что никого лучше пока не нашла. Когда она закончит учебу, то выйдет за знаменитого ученого, а не за глуповатого спасателя с пляжа. Может, даже за меня – когда я стану знаменитым ученым. Мы будем с ней вместе заниматься исследованиями.

Отец на мгновение задумывается.

– Ладно. Можешь остаться, если хочешь, Билли. Повидаешься с этим спецом по китам – и сразу назад.

Мне жаль, что Эмили не может пойти со мной, но это неудивительно. Я доволен еще и потому, что не придется помогать отцу с покраской. Обычно мне достается шкурить рамы, а это совсем не так весело, как красить.

– Только не забудь про прилив, хорошо? Ты помнишь, во

сколько он начинается?

– Могу посмотреть, если хотите, – вставляет Эмили, вытаскивая мобильный телефон. У нее есть специальное приложение, которое показывает время приливов. Мне приложение не нужно. Я так долго живу на пляже, что чувствую прилив кожей.

Поворачиваюсь к Эмили – она улыбается, потому что ей приятно мне помочь.

– Все в порядке, – говорю я. – У меня есть фотографии кита. Хочешь посмотреть?

– Конечно. Только подожди, сначала принесу ваш заказ.

Мы с отцом провожаем ее глазами до кухни. На Эмили черные брюки, тесно облегающие бедра. Я бросаю взгляд на отца – он все еще смотрит ей вслед.

* * *

– Там был один турист, который подумал, что кита могла убить акула, – говорю я, когда Эмили возвращается с напитками. – Но я сказал, что таких акул у нас не водится. По моему, кит попал под винт какого-то судна.

При моих словах про акулу Эмили смеется. Смех у нее задорный, звонкий – он разносится по всему залу, и другие посетители оборачиваются в нашу сторону. Вот что мне по-настоящему нравится в Эмили. Она знает, что местные акулы слишком мелкие, чтобы напасть на кита. Она знает прак-

тически все о дикой природе острова Лорни, хотя сама и не местная. Эмили вроде нас с отцом – сейчас она живет здесь, но родилась в другом месте. Она приезжала на каникулы и останавливалась у бабушки, пока та не умерла, а теперь Эмили живет здесь постоянно. Наверное, это еще одна причина, по которой она мне нравится. Мы не настоящие местные жители, но про важные вещи знаем куда больше.

– Скорее всего, кита сбил ультразвуковой радар подводной лодки. Я читал о таком, – говорю я. – Как животные пу-
таются из-за них. Потом он подплыл слишком близко к судну и попал под винт.

Эмили ненадолго задумывается.

– Возможно, – заключает она. – Пожалуй, эксперт уже не нужен, ты и так во всем разобрался.

Я раздуваюсь от гордости. Тут парень с кухни кричит, что наш заказ готов.

На этот раз отец не смотрит Эмили вслед. Вместо этого он тянется за газетой, которую кто-то оставил на столе. Это «Айленд таймс». Как-то раз там опубликовали фото мертвого дельфина, выброшенного на берег на Нортэнде. Женщина, которая его нашла, тоже была на снимке. Вот почему я хотел найти кита первым – чтобы попасть в газету. Хотя, если подумать, «Айленд таймс» в последнее время немного помешалась на деле Оливии Каррен, так что вряд ли мертвый кит на этот раз удостоится фотографии. Заголовок на первой странице свежего номера опять посвящен Оливии. Он

гласит:

Оливия: спустя три месяца все еще ничего не известно

По-моему, заголовок так себе – ведь он сообщает, что газете нечего рассказать. С тем же успехом они могли заявить: «Сегодня никаких новостей!» Но таковы были все заголовки в последние недели. «*Оливия – может ли она до сих пор находиться на острове?*», «*Дело Оливии: полиция считает, что девочка утонула*», «*Загадка Оливии: поиски продолжаются*». Отец разворачивает газету и быстро пролистывает три первых страницы, все посвященные Оливии. Я просматриваю фотографии на заднем экране камеры. Приближаю и удаляю. Потом возвращается Эмили – на этот раз с нашей едой.

– Ну вот! – Она ставит тарелку сначала перед отцом, потом передо мной. Там целая тонна кетчупа, сосиски обильно политы маслом. Эмили замечает газету в руках у отца. – Есть новости?

Отец, удивленный, поднимает глаза и качает головой.

– Нет. По-моему, полиции пора бы признать, что она утонула. – Он всегда так говорит. Считает, что Оливия Каррен вечером решила искупаться и уже не вылезла.

– Наверное, родители все еще надеются отыскать ее живой, – говорит Эмили. – Такая неопределенность хуже всего. Пусть бы уже кто-нибудь выяснил, что с ней случилось.

В последнее время такие разговоры ходят повсюду. Люди

только и обсуждают, что дело Оливии Каррен. Я искренне не понимаю почему. Не в первый раз на острове тонут туристы. Все знают, что океан может быть опасен, неспроста же здесь появился спасательский серфинг-клуб! Но обычно, когда человек тонет, через день-два труп выносит на берег, а Оливию не вынесло, поэтому никто не знает точно.

Со мной, однако, про Оливию Каррен не говорят. Вроде как подобные разговоры – только для взрослых. В моем присутствии все притворяются, что ничего не произошло. Что бы то ни было – этого не случилось. Я знаю почему: *на самом деле* все думают, что Оливию похитили и убили. А может, еще не убили, а держат в каком-нибудь подвале и насилуют по ночам. Но Эмили другая. Она обращается со мной как со взрослым. Так что я не удивляюсь, когда она спрашивает меня:

– Может, тебе направить твои исследовательские таланты на дело Оливии Каррен, Билли? В конце концов, загадку с мертвым китом ты разгадал в два счета.

Она улыбается, чтобы показать, что пошутила.

Отец тянется за кетчупом и бросает на нее многозначительный взгляд. Похоже, он не считает это хорошей идеей.

– Лучше не будоражь его. Достаточно, что он лазает по скалам и считает птичьи яйца.

Он пытается закатить глаза, но Эмили отводит взгляд и улыбается мне. Она все знает про морских чаек; я рассказывал ей про свой проект. Отцу я тоже говорил, но он все рав-

но ничего не понял.

Эмили отходит от нашего столика, потому что ее ждут другие посетители. Я откусываю от сосиски с булочкой, и жир капает мне на тарелку. Знаю, она сказала это мимоходом, ничего не имея в виду, но внезапно серьезно задумываюсь. Может, мне *правда* стоит направить свои исследовательские таланты на дело Оливии Каррен? Эта мысль прочно засекает у меня в мозгу. В конце концов, почитайте газеты! Полицейские до сих пор не продвинулись ни на шаг, и я на собственном опыте знаю, какие они бестолковые. Что, если я смогу раскрыть тайну? Представляю себе заголовок в «Айленд таймс»: «*Местный мальчик разгадал загадку Оливии!*»

Это даже лучше, чем попасть на фотографию с мертвым китом.

Да, и вот еще что: никто не знает этот пляж лучше меня.

Глава 4

После завтрака отец отправляется красить рамы, а я бегу обратно на пляж, к киту. Прилив уже гораздо выше, вода доходит почти до группы людей, по-прежнему окружающей тушу. Подойдя к ним, я замечаю еще одну полицейскую машину. Надеюсь, приехал эксперт по китам.

Однако меня ждет разочарование. Это не эксперт, а мистер Мэтьюз, начальник отца. Он владеет коттеджами, которыми управляет отец, плюс большим отелем на другом конце города. Он не очень мне нравится, но отец всегда защищает его. На мой взгляд, мистер Мэтьюз только загребает прибыль, в то время как всю работу выполняет отец. Он ездит на большой машине – по-настоящему большой; обычно она стоит припаркованная возле гольф-клуба. Сегодня ее нет. Думаю, он не захотел заезжать на ней на пляж, чтобы не испачкать машину в песке.

Мистер Мэтьюз говорит с другим полицейским. Тот постарше первого, и внезапно я его узнаю. Всякий раз, когда по телику говорят про Оливию Каррен, он тут как тут. Похоже, он большой начальник. Я узнаю его по дурацким усикам, прикрывающим край верхней губы – похоже, будто там пристроилась гусеница. Кроме того, он чернокожий, а чернокожих на острове единицы. Разговаривая с мистером Мэтьюзом, он поглаживает свои усики.

Первый полицейский присоединяется к ним. Тот самый, с которым я недавно разговаривал. Он сообщает, что это маленький полосатик, которого, *скорее всего*, убило винтом. Потом мистер Мэтьюз отводит полицейского начальника в сторонку, где стою я. Он мельком улыбается мне – ибо знает, что я настраиваю в коттеджах вай-фай, – но ничего не говорит.

– Ларри, – обращается мистер Мэтьюз к полицейскому начальнику. – В новостях про нас и так болтают бог знает что из-за той девчонки. Я не хочу, чтобы сюда добавился еще и... – Он бросает взгляд на кита. – *Труп*, гниющий на пляже.

Говорит он тихо, но у меня хороший слух. Важный полицейский продолжает наглаживать усы, вроде как обдумывая его слова.

– Я понимаю, Джим. Честное слово, понимаю. Мы уже вызвали человека из университета, он плывет на пароме. Как только закончит, я позабочусь, чтобы тушу убрали.

Мистер Мэтьюз вздыхает и оглядывает пляж. Возле кита толпится с десятков туристов, собравшихся посмотреть, что случилось. Некоторые делают фотографии. Еще пять-шесть человек идут по пляжу со стороны городка.

– Похоже, ты не совсем меня понял, Ларри. Помнишь, что через полчаса прилив? Может, я договорюсь о лодке? Оттащим тушу подальше, избавимся от нее чистенько и быстро. Пока не пронюхала пресса. Незачем городу фотографии с кровавой лужей.

Я слышу каждое слово – слышу и не верю. Мне хочется

вмешаться, сказать, что эксперт будет брать анализы и проводить вскрытие. Но я знаю, что нельзя перебивать мистера Мэтьюза и полицейского начальника. Папа может лишиться работы. А меня могут арестовать.

– Ну же, Ларри! Чертов прилив вынесет кита в самый центр города, если мы не поторопимся. Будет еще хуже. Можешь сказать, что туша представляла опасность с точки зрения санитарии. Спорить все равно никто не станет.

Полицейский стоит в задумчивости, продолжая гладить свои усики.

– Сможешь по-быстрому подогнать лодку?

– Конечно.

Полицейский принимает решение.

– Ладно. Если можешь убрать тушу, убирай. Утащить ее отсюда будет легче. Тут волны посильней. Используем это как аргумент, если кто задумает жаловаться.

– Отлично, Ларри, – говорит мистер Мэтьюз. – Очень хорошо.

Он хлопает его по спине, достает мобильный телефон и торопливо набирает номер.

Я в полном отчаянии, но поделаться ничего не могу – разве что надеяться, что эксперт доберется сюда прежде, чем они отташат кита. Я не совсем уверен, но, возможно, слово эксперта значит больше, чем слово начальника полиции. Как того эксперта по акулам из «Челюстей». Правда, «Челюсти» – фильм не очень реалистичный, особенно та часть, где акула

пытается целиком сожрать лодку. Такого не бывает; они могут куснуть лодку, чтобы понять, что это такое, но поняв, что это не еда, развернутся и поплывут искать тюленя – в таком роде.

Пока я размышляю, мистер Мэтьюз отходит подальше и говорит по мобильному телефону. Потом он возвращается и шепчет инспектору:

– Договорился. Кевин будет здесь через сорок минут. – Потом он качает головой и добавляет, обращаясь, похоже, сам к себе: – Господи боже! Сначала девчонка, потом это... Нам сильно повезет, если в следующий сезон кто-нибудь решится приехать сюда.

После этого двое других полицейских лезут в багажник патрульной машины и возвращаются с лопатами. Они начинают подкапывать песок под хвостом кита. Некоторые считают, что хвост кита называется лопастью, но в действительности он называется все-таки хвостом, как я и сказал, и состоит из двух лопастей. Я подхожу и становлюсь как можно ближе, пытаюсь сталкивать песок обратно в яму ногой, но они начинают сердиться и велят мне отойти, так что больше я ничего не могу поделывать. В конце концов, это *жеполиция*. Вместо этого я смотрю на часы и хмурю лоб. Чтобы добраться сюда из Голдхейвена, куда прибывает паром, нужно минут сорок, но я не знаю, на каком пароме плывет эксперт. Надеюсь, он или она поторопится.

Я так сильно задумываюсь, что не успеваю заметить, как

полицейские подводят веревку под обе лопасти. Они оборачивают ее дважды и завязывают узлом. Меня злит, что у них хорошо получается. К моменту, когда они заканчивают, вода подступает совсем близко, а там, где разбиваются волны, появляется рыбацкая лодка. Как я говорил, волны на этом конце пляжа сегодня небольшие. Смотрю, как мужчины на лодке выбрасывают буй, привязанный к канату; буй очень быстро выносит на берег, и полицейские его подбирают. Они привязывают канат к веревке у кита на хвосте. Теперь все мы ждем.

Четверть часа спустя прибой поднимается настолько, что кит оказывается в воде – торчит над волнами, словно скала. Лодка несколько раз пытается сдвинуть его с места, но пока вода не подхватит его, у них ничего не получится. Они тем не менее продолжают пробовать, громко крича, а потом, десять минут спустя, кит внезапно шевелится. На долю секунды мне кажется, что он и не был мертв, но тут я понимаю, что он просто поплыл. Лодка начинает медленно тащить его на глубину. Волна разбивается о тушу, и та на мгновение скрывается из виду. Когда она появляется снова, то выглядит блестящей и чистой. Потом туша переворачивается, и становится виден белый живот. Кита медленно волокут в открытое море.

Через полчаса тушу почти не видно: лодка утаскивает ее за мыс. Не знаю, где они собираются ее выбросить; очевидно, подальше от острова. Я смотрю, как лодка пропадает за ска-

лами, а потом разворачиваюсь, по-прежнему сердитый из-за того, что произошло. И тут замечаю незнакомого мужчину на парковке за дюнами. Судя по его одежде, рюкзаку за плечами и смешным круглым очкам, это и есть эксперт.

Глава 5

Когда я возвращаюсь домой, отца еще нет, поэтому я зажигаю горелку и начинаю готовить ужин. Обычно в такие моменты я включаю телевизор, но сегодня мне не до него. Занят размышлениями.

И очень зол из-за кита. Не потому, что не смог познакомиться с экспертом и рассказать ему про свой проект с крабами-отшельниками, а потому, что полицейские поступили неправильно. Если бы они дождались прибытия эксперта, он измерил бы раны, взял разные пробы и образцы, которые нужны для науки. А теперь ничего не выйдет. Они выкинули самую главную улику, которая у них была.

Не могу не усмотреть аналогии с тем, как полиция провалила дело Оливии Каррен. Та детектив, что допрашивала меня, по сути, проигнорировала информацию о том, откуда Оливия узнала про дискотеку в Спасательском серф-клубе. Что еще, интересно, они проглядели? Тут я думаю об Эмили и о том, какое у нее становится лицо, когда она заговаривает про девочку. Я знаю почему. Эмили боится, как бы то, что случилось с Оливией Каррен, не произошло с ней. Так может, мне все же стоит заняться этим делом? Может, я смогу раскрыть его, пока полиция топчется на месте? В конце концов, отец всегда говорит, что полицейские – бездари и взяточники.

В каком-то смысле то, что я еще ребенок, играет мне на руку. Вот, например, когда сегодня мистер Мэтьюз с полицейским разговаривали на пляже, то отошли подальше от остальных взрослых, чтобы их не услышали, *нона меня* не обратили внимания. Большинство людей в городе обращается со мной будто я невидимка. Так может, не такая уж и безумная идея попытаться понять, что произошло? Я ведь уже давно занимаюсь разными проектами, и у меня получается...

С другой стороны, я и без того достаточно занят – проектом, школой и много чем еще.

Сам не знаю. Пока готовится ужин, я несколько раз меняю свое решение. Я делаю спагетти болоньезе, потому что их любим и я, и отец.

Но когда отец приходит домой, то сразу говорит, что очень устал. Он опять в своем «странном» настроении. Наверное, красил слишком долго. Первым делом он открывает банку с пивом. Потом молча берет свою тарелку и усаживается перед телевизором.

Иногда я смотрю телевизор вместе с ним, но сегодня слишком взволнован и мне нужно подумать, поэтому я ем на кухне. Поев, поднимаюсь в свою комнату. Надо бы сделать домашнюю работу, но за учебники я не сажусь. Вместо этого создаю в ноутбуке новый документ и начинаю записывать все, что помню про дело Оливии Каррен. Получается вот что:

Дата пропажи: 26 августа

Место: Спасательский серф-клуб Силверли (диско-вечеринка в честь конца сезона)

Общие сведения:

Оливия Каррен – шестнадцатилетняя девочка, остановилась на две недели в коттеджах «Сифилд», в № 1, вместе с братом (14) и родителями (возраст неизвестен, но оба старые). На половине своего пребывания посетила дискотеку в Спасательском серф-клубе, расположенном прим. в 50 ярдах от коттеджа. Родители утверждают, что ни в тот вечер, ни на следующий день в коттедж она не вернулась.

В воскресенье, 27 августа, полиция начала поиски с привлечением патрулей с острова, а затем с континента. Съехало много полицейских машин (я насчитал семь, припаркованных в ряд). У некоторых полицейских были собаки, а еще на пляже приземлился вертолет. Многие местные тоже помогали в поисках, но не отец (и не я). Никаких следов Оливии обнаружить не удалось.

В понедельник, 28 августа (каникулы еще продолжались, поэтому в школу никто не ходил), поиски были усилены. Помимо полицейских, в них принимала участие береговая охрана с катерами и аквалангистами. История попала во все газеты, в некоторых – на первую полосу. Я имею в виду национальные газеты, а не только «Айленд таймс».

Во вторник, 29 августа, поиски продолжились. Утром

женщина из полиции пришла к нам поговорить с отцом, потому что та семья останавливалась в нашем коттедже, но отец сказал, что даже не встречался с ними. Тут я сообщил ей, откуда Оливия узнала про дискотеку. После обеда мы с отцом видели со двора, как полиция обыскивает дюны. Они продолжали работать, даже когда стемнело; в темноте нам хорошо были видны их фонарики.

Я уже начал писать про среду, но тут понял, что больше сказать мне нечего – поиски продолжались, но результата не давали. Так было с самого исчезновения Оливии.

Я решил, что самая главная часть – это та ночь, когда она пропала. Поэтому зашел в интернет, на сайт «Истерн дейли ньюс». Там как-то опубликовали подробную хронологию ее последних подтвержденных перемещений. Я скопировал хронологию в свой документ.

Хронология:

Суббота 20.30 – Оливия приходит в Спасательский серф-клуб Силверли, на диско-вечеринку в честь окончания сезона с матерью, отцом и братом. Она сразу же присоединяется к группе девочек-подростков, с которыми познакомилась и подружилась в предыдущую неделю.

Суббота 21.00 – Оливия с подружками едят возле зоны барбекю; все видят, что они смеются и выпивают.

Суббота 22.00 – Оливия с подружками первые начинают

танцевать и танцуют около часа. Оливия выглядит веселой и полностью довольной вечеринкой.

Суббота 22.37– Семья Оливии уходит с вечеринки и возвращается в коттедж, расположенный менее чем в ста ярдах от клуба. Перед этим мать напоминает Оливии, что она должна быть дома не позже полуночи; Оливия обещает. Это последний раз, когда ее видят члены семьи.

Суббота 23.00– Оливия с подружками выходят из помещения, потому что вечеринка продолжается на улице; они болтают и выпивают.

С 23.00 до 01.00 Оливию видят несколько раз, но данные расходятся – она то ли на пляже, то ли в клубе.

Воскресенье 01.15– Вечеринка подходит к концу. Многие гости уже разошлись; остались преимущественно подростки и молодежь, причем сильно пьяные.

Воскресенье 01.30– Дискотека официально заканчивается, клуб закрывается, двери запирают. Группа молодежи некоторое время остается поблизости, после чего многие отправляются на вечеринку в дом 45 по Принцесс-стрит, в квартиру, которую арендуют члены Спасательского серф-клуба Силверли. Показания насчет того, была там Оливия или нет, расходятся.

Воскресенье 04.00– Импровизированная вечеринка в доме 45 по Принцесс-стрит заканчивается, большинство участников расходятся, некоторые остаются ночевать в доме.

Воскресенье 08.00– Сюзан Каррен обнаруживает, что ее

дочь Оливия не вернулась в коттедж, но решает, что та заночевала где-то еще. В полицию семья звонит только около полудня.

Воскресенье 11.45– Джозеф Каррен обращается в полицейский участок Силверли с заявлением о пропаже дочери, Оливии Каррен.

Время уже позднее. Перечитываю все, что записал, и моя уверенность ослабевает. Решаю, что идея Эмили, чтобы я расследовал дело Оливии Каррен, все-таки сумасшедшая. К тому же я сильно устал. Нажимаю на крестик в углу, чтобы закрыть файл, и компьютер спрашивает, хочу ли я его сохранить. Уже почти говорю «нет», но в последний момент передумываю. Создаю новую папку «Морское блюдечко¹» и сохраняю его туда. Я заметил, что большинство людей не интересуются морскими блюдечками, поэтому, если мой компьютер взломают, в папку с таким названием заглянут в последнюю очередь. Защищаю файл паролем, как все свои документы, – на всякий случай.

Потом переодеваюсь в пижаму и ложусь спать.

¹ Морское блюдечко – собирательное наименование для ряда раковинных брюхоногих моллюсков, чьи раковины не завернуты спиралью.

Глава 6

В воскресенье отец просыпается позднее обычного. Мы снова едем в Силверли, потому что волны по-прежнему маленькие. Когда отец заходит в воду, я думаю о том, чтобы пройтись по пляжу и посмотреть, не вынесло ли кита обратно. Но с утеса утром я его не видел, так что идти смысла нет. Может, он утонул. Вместо этого я решаю заняться своим проектом с крабами-отшельниками. И направляюсь в сторону Нортэнда.

Нортэнд – странное место. Много лет назад там добывали серебро. Именно так город и получил свое название: Силверли². Это было настоящее, чистое серебро в самородках. Через утесы пробурили туннели; кое-где они выходят на пляж. Но потом однажды поднялся сильный шторм, и волны подточили утес. Шахта обвалилась. Дело было серьезное, много шахтеров погибло. Но это произошло давным-давно, так что больше не имеет значения. К чему я это рассказываю: серебряные самородки, которые там добывали и хранили перед отправкой на континент, оказались на пляже. Они до сих пор там – в песке и в расселинах между скалами. Так что в отлив на Нортэнде можно найти много серебра.

Когда я был маленьким, мы с отцом часами копались там

² Англ. silver – серебро.

– я с маленьким ведерком и сачком, а он в рубаше с закатанными рукавами. Обыскивали полости литорали³ в надежде найти серебро. Каждый раз, когда мне что-нибудь попадалось, я звал отца, и он подходил посмотреть. Но это всегда была то крышка от банки с пивом, то фольга от упаковки чипсов. Отец все равно улыбался и говорил, что надо продолжать искать – однажды нам попадется самородок. Я обожаю искать серебро и не хотел уходить с пляжа, поэтому отцу приходилось в конце концов уносить меня на руках, а я спал, положив голову ему на плечо, настолько был вымотан.

Серебра мы так и не нашли – ни крошки. А теперь больше не ищем. Наверное, я для этого уже взрослый. Отец больше увлекается серфингом, а я не захожу в воду – ну, вы уже знаете. Но туристы летом продолжают искать. Покупают себе специальные ведерки «Серебряные самородки Силверли» и «сачки для серебра», которые ничем не отличаются от обычных детских сачков на палочках, только стоят гораздо дороже. Туристы тоже ничего не находят. Я уверен, что все серебро пропало.

Но это не значит, что на Нортэнде нет ничего интересного. Там идеальное место для моего проекта.

Идти до Нортэнда по пляжу где-то полчаса, и я успеваю как следует разогреться. Вижу, что отлив продолжается, и

³ Литораль – зона побережья, заполняющаяся водой только во время прилива; под литоральными полостями могут иметься как открытые (приливные заводи, ванны), так и скрытые от прямого света (пещеры) углубления в породе.

это хорошо, но все равно я хмурю брови, поскольку не знаю, достаточно ли отступила вода. Только на максимуме отлива можно перейти на ту сторону мыса. За ним – еще один маленький пляж, куда я и направляюсь. Отец раньше называл его «секретным пляжем», хотя он не такой уж и секретный, просто туда трудно добраться, и некоторые считают его опасным. На мысу есть даже специальный знак. Я как раз прохожу мимо него. Там сказано:

ОПАСНО!

В ПРИЛИВ ДАЛЬШЕ НЕ ЗАХОДИТЬ!

Ребенком я никогда не заходил дальше этого знака. Всегда боялся, что меня отрежет водой и я утону. Отец говорил, что на пляж ходить можно, если следить за приливом, но все равно пару раз мы едва не попали в ловушку. Ему нравится заходить за знак отчасти потому, что там, по его мнению, больше шансов найти серебро, ведь туристы редко забредают туда. А отчасти потому, что таков уж мой отец.

Теперь я стал гораздо увереннее. Знаю, что у меня есть около часа, пока не начнется прилив и не отрежет пляж от остального острова. Опасности нет, если не забывать про время. Вроде бы помню, что сегодня отлив в одиннадцать, но не до конца уверен, потому что, когда смотрел расписание, думал про кита. Ничего, просто буду осторожен.

Когда добираюсь до мыса, там остается достаточно пес-

ка, чтобы пройти, не вскарабкиваясь на скалы. За мысом пляж Силверли скрывается из вида – его загораживают скалы, которые я только что миновал. Маленький пляж чудесный. Другого способа попасть туда нет – никаких дорожек на скалах. Даже с утеса его не видно. Вот почему опасно оказаться отрезанным там. В прилив пляж пропадает под водой, а скалы слишком крутые и наверх по ним не взберешься.

На секретном пляже никого нет; я совсем один. Раз за мной никто не шел, то мои следы должны быть единственными на песке.

Времени у меня немного. Прибавляю шаг, двигаясь по твердому влажному песку к другому краю пляжа. Ко входу в лабиринт.

Мы нашли лабиринт вместе с отцом много лет назад. Сначала думали, это просто пещеры, но позднее Эмили мне рассказала, что на самом деле мы попали в заброшенную шахту. Там сохранились старые туннели и камеры, пробуренные в скале давным-давно. С каждым приливом вода заполняет их. Мало кто знает про эти туннели; в них ведет только один маленький вход под уступом скалы. Оказавшись внутри, лучше снять обувь, потому что там мокро. И темно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.